УДК 94(470+571)«1805/1807»

О. А. Любезников, А. Ю. Скрыдлов

Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы

На всем протяжении своего царствования Александр I стремился к проведению преобразований в системе государственного управления[1]. Одной из наиболее сложных задач при реформировании государственного аппарата явилась организация тайной (политической) полиции. С одной стороны, император, разделявший либеральные взгляды, к созданию органов политического сыска относился весьма настороженно, но с другой — он понимал объективную необходимость их формирования в условиях роста международной напряженности в Европе в 1800-е гг. Особенно остро потребность в новой структуре тайной полиции стала ощутима в период военно-политического противостояния России с наполеоновской Францией в 1805–1807 гг. Проблеме выбора Александром I принципов функционирования политической полиции в это время и посвящена представляемая статья.

История формирования новой структуры тайной полиции в 1805–1807 гг. недостаточно полно освещена в работах отечественных исследователей. Среди дореволюционных авторов наибольший вклад в изучение данной темы внес Н. К. Шильдер, впервые опубликовавший проекты создания межведомственных органов тайной полиции 1805 и 1807 гг. и расценивавший их появление как возрождение «до некоторой степени из пепла, но под другим названием» Тай-

[1] *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.

ной канцелярии[2]. В советской историографии проблема организации секретной полиции в начале XIX столетия затрагивалась в обобщающих трудах по истории политического сыска и государственных учреждений Российской империи. Так, работы И. М. Троцкого и Н. П. Ерошкина, среди прочего, содержат важные уточнения, касающиеся истории создания и деятельности «Комитета по части вышней полиции» 1805 г. и Комитета охранения общей безопасности 1807 г.[3] Однако причины появления этих государственных учреждений и цели, стоявшие перед ними, оценивались советскими историками однозначно — в комитетах видели первые «реакционнейшие подголоски, которым суждено было в дальнейшие годы стать лейтмотивом царствования» Александра I[4]. Стараясь уйти от идеологических штампов и упрощенных трактовок событий прошлого, проблематике создания органов тайной полиции в Александровскую эпоху уделяют внимание современные исследователи (М. Б. Асварищ, Ю. В. Тот)[5]. Привлекая широкий пласт архивных документов, скрупулезный анализ этапов становления системы политического сыска в первой четверти XIX в. произвел Ф. Л. Севастьянов[6]. Однако сама стоявшая перед Александром I дилемма, какой из намеченных в нескольких законопроектах подходов к реформированию тайной полиции избрать, остается вне поля зрения исследователей. Настоящая статья — попытка заполнить историографическую лакуну.

К началу 1805 г. в России политической полиции общеимперского масштаба не существовало: Тайная экспедиция при Сенате, воспринимавшаяся дворянством как одиозный символ павловской эпохи[7], была ликвидирована еще в апреле 1801 г. в ходе первых мероприятий Александровского царствования, ознаменовавших собой отказ молодого монарха от политического наследия его предшественника[8]. В соответствующем манифесте император подчеркнул

[2] *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 162, 362–366.

[3] *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981; *Троцкий И. М.* III отделение при Николае I. Л., 1990.

[4] *Троцкий И. М.* III отделение. С. 141.

[5] *Асварищ М. Б.* Органы политического надзора первой половины Александровского царствования // Памяти Ю. Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост.: Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб., 2000. С. 589–611; *Тот Ю. В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003.

[6] *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008.

[7] По подсчетам Н. Я. Эйдельмана, за время царствования Павла I число рассматриваемых дел в Тайной экспедиции в течение одного года выросло в 7 раз по сравнению с Екатерининской эпохой (180 дел против 25). Всего же за 1797 — начало 1801 г. через Тайную экспедицию прошло 721 дело, дворяне составляли 44% всех обвиняемых (из проанализированных историком 566 дел). См.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992. С. 102–103.

[8] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (Далее: ПСЗ-1) Т. XXVI. СПб., 1830. № 19813.

свое негативное отношение к упраздняемому учреждению, назвав Тайную канцелярию (прямую предшественницу Тайной экспедиции) «судилищем», несвойственным установленному в России образу правления. Царь высказал убежденность в необходимости впредь вести следствие, судить и определять наказание по делам о политических и государственных преступлениях «общею силою закона», в рамках уголовного делопроизводства. Александр поручал «единому действию закона охранение [своего] имени <...> и Государственной целости от всех прикосновений невежества или злобы». Стремясь выстроить работу государственного аппарата на принципе законности, император свел деятельность тайной полиции до необходимого минимума — отказался от ее общеимперского института, сохранив лишь столичный орган политического сыска — Тайную полицейскую экспедицию при санкт-петербургском военном губернаторе.

Имевшая небольшой штат во главе с управляющим, назначаемым императором, действовавшая локально, в пределах столицы, экспедиция была призвана пресекать распространение нежелательных политических слухов, выявлять подозрительных лиц, следить за иностранцами, а главное, обеспечивать личную безопасность монарха[9]. Так, в 1801–1802 гг. внимание петербургской тайной полиции было направлено на вызывавших подозрения у Александра I участников антипавловского заговора — Н. П. Панина и братьев Зубовых. Один из членов Негласного комитета, объединившего доверенных лиц царя, А. Е. Чарторыйский вспоминал: «По несколько раз в день император получал отчеты секретной полиции с подробными донесениями обо всем, что делал Панин, где бывал, с кем останавливался на улице, сколько часов провел в том или другом доме, кто посещал его»[10]. И Н. П. Панин, и В. А. Зубов знали об установленной за ними слежке, В. А. Зубов выражал недовольство ею Александру лично. Члены Негласного комитета также убеждали монарха отказаться от услуг тайной политической полиции. Император, однако, полагал надзор за бывшими заговорщиками необходимым[11] и поддерживал особый статус столичной тайной полиции, пока его положение на престоле не упрочилось. С началом министерской реформы осенью 1802 г. Тайная полицейская экспедиция перестала существовать как учреждение при петербургском военном губернаторе, будучи передана в подчинение министерству внутренних дел, в ведение обер-полицмейстера столицы[12].

[9] *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008. С. 61–67.

[10] *Чарторижский А.* Воспоминания и письма. М., 2010. С. 207.

[11] *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I: В 3 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 172–173.

[12] *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 66–67. Ф. Л. Севастьянов с опорой на архивные документы 1811 г. указывает на существование в Петербурге в начале XIX в. еще одного, сугубо локального «своеобразного агентурного полицейского подразделения» — сообщества «лон-лакеев». Исследователь не смог «точно установить происхождение и этимологию слова “лон-лакей”» (См.: *Севастьянов Ф. Л.*

В 1805 г., когда агрессивные внешнеполитические шаги Наполеона I сделали военное столкновение европейских держав с Францией неизбежным, задача обеспечения внутренней безопасности Российской империи чрезвычайно обострилась. Прежнего минимума органов политического сыска — петербургской Тайной полицейской экспедиции — стало уже недоставать. Незадолго до своего отъезда в армию[13] в разговоре с генерал-адъютантом Е. Ф. Комаровским Александр I высказал намерение учредить тайную (так называемую «высшую») полицию, полагая что она «необходима в теперешних обстоятельствах»[14]. Император стремился найти наиболее подходящий способ организации секретной полицейской службы. По его мнению, «для составления правил» организуемой высшей полиции следовало создать специальный комитет в составе министра юстиции П. В. Лопухина, министра внутренних дел В. П. Кочубея и генерал-адъютанта Е. Ф. Комаровского. Последний вспоминал, что по собственной инициативе знакомился с историей организации тайной полиции, пользуясь библиотекой министра коммерции Н. П. Румянцева. Однако задуманному комитету не суждено было приступить к работе: по мере приближения начала военной кампании проблема учреждения политической полицейской службы становилась всё более острой, временем на тщательную проработку соответствующей реформы император не располагал[15]. По-видимому, в качестве срочной меры 5 (17) сентября 1805 г. Александром было утверждено «Наставление Комитету по части вышней полиции».

Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 68). Насколько можно судить, «лон-лакей» — от немецкого «Lohnlakai» (Lohn — жалованье, Lakai — слуга), буквально «наемный слуга» (См.: Словарь русского языка XVIII века: В 19 вып. СПб., 2000. Вып. 11. С. 227). Лон-лакеи — слуги, нанимаемые иностранцами. Вероятно, отдельные представители петербургского так называемого «сообщества лон-лакеев» следили за своими нанимателями и сообщали о результатах слежки в городскую полицию. Следует подчеркнуть, что лон-лакеи не получали никакого государственного содержания, а источники, которые свидетельствовали бы о существовании какой бы то ни было организованной тайной структуры лон-лакеев в Петербурге уже в 1801–1805 гг., остаются неизвестными.

[13] Император покинул Петербург 9 (21) сентября 1805 г. См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Июль–декабрь. СПб., 1904. С. 191.

[14] То есть в условиях военной кампании. См.: [*Комаровский Е. Ф.*] Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 138.

[15] Там же. Ф. Л. Севастьянов полагает, что разговор императора с Е. Ф. Комаровским состоялся между 5 и 9 (17 и 21) сентября 1805 г. — до отъезда Александра I в армию, но уже после утверждения им «Наставления» организуемому по проекту Н. Н. Новосильцова «Комитету по части вышней полиции» (о «Наставлении» ниже). См.: *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 75, 284. Основанием для датировки Ф. Л. Севастьянова служит фраза Е. Ф. Комаровского: «Когда государь собирался ехать в Аустерлицкую кампанию, приказать мне изволил явиться к себе» (См.: [*Комаровский Е. Ф.*] Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 137). На наш взгляд, разговор должен был состояться до 5 сентября 1805 г., когда «Наставления», по сути являющегося инструкцией для высшей полиции, «правилами», выработку которых Александр думал поручить упомянутому Е. Ф. Комаровским комитету, еще не существовало.

На сегодняшний день известно два списка «Наставления»: утвержденный Александром I экземпляр, хранившийся у министра военных сухопутных сил С. К. Вязмитинова[16], и принадлежавшая министру внутренних дел В. П. Кочубею копия подписанного монархом оригинала, заверенная товарищем министра юстиции, одним из ближайших сподвижников императора Николаем Николаевичем Новосильцовым (1766/1767–1838)[17]. По нашему осторожному предположению, существовал как минимум третий экземпляр «Наставления»: письма Н. Н. Новосильцова от 8 (20) сентября 1805 г., которыми он сопроводил указанные два экземпляра, отправляя их С. К. Вязмитинову и В. П. Кочубею, имеют исходящие № 617 и 619 соответственно[18]. Возможно, № 618 стоял на аналогичном письме Н. Н. Новосильцова министру юстиции П. В. Лопухину, который вместе с С. К. Вязмитиновым и В. П. Кочубеем также должен был входить в состав «Комитета по части вышней полиции» и мог иметь свой персональный экземпляр «Наставления». Автором же документа был Н. Н. Новосильцов.

С юности впитавший ценности эпохи Просвещения, умеренный либерал Н. Н. Новосильцов еще в 1802 г. в составе Негласного комитета выражал свое негативное отношение к приемам тайной политической полиции. Однако доверие, которое выказывал ему Александр I, и реноме непосредственного разработчика первоначально инициированных монархом законопроектов обусловили участие Н. Н. Новосильцова и в учреждении высшей полиции. При этом сам факт доверительных отношений с императором, а также глубокое знание его политических предпочтений позволили Н. Н. Новосильцову предложить способ организации тайной полиции, наиболее приемлемый для разделявшего либеральные взгляды, склонного к осторожности молодого царя, желавшего вместе с тем сохранять всю полноту власти.

Согласно проекту Н. Н. Новосильцова, министры внутренних дел, юстиции и военных сухопутных сил должны были составить секретный Комитет, призванный обеспечить общественный порядок в Петербурге и бесперебойное снабжение его жителей продовольствием во время военной кампании в период пребывания царя в армии. Находясь в постоянном контакте со столичным обер-

[16] РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. и о штате его Канцелярии. Л. 10–12. Этот конфирмованный Александром I список был опубликован Н. К. Шильдером: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 362–364. Современный исследователь Ф. Л. Севастьянов произвел новую публикацию, осуществив ее по архивному подлиннику, но допустил ряд неточностей: *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 285–287.

[17] РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел). Оп. 54. Д. 30. Положение о Комитете «всеобщего спокойствия и тишины», созданном на время отсутствия царя. Л. 3 — 5 об.

[18] РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 9; Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел). Оп. 54. Д. 30. Положение о Комитете «всеобщего спокойствия и тишины». Л. 2.

полицмейстером, члены Комитета получали и анализировали сведения о проживавших в Петербурге и приезжавших из-за границы или из других уголков империи «подозрительных людях» (шпионах, тайных агентах). Для осуществления надзора за «подозрительными» допускалась перлюстрация их переписки. По справедливому замечанию Ф. Л. Севастьянова, «Комитет по части вышней полиции» был «не столько органом политического розыска, сколько органом политического контроля»[19]. Хотя основной задачей Комитета являлся контроль ситуации в Петербурге в военное время, в зоне внимания его членов оказывались и регионы империи. Так, на основании регулярных отчетов губернаторов министр внутренних дел получал информацию о настроениях жителей губерний, о распространявшихся среди них слухах о военной кампании и повышении налоговых сборов; обсуждение ответных правительственных мер должно было проходить совместно, на заседаниях Комитета[20]. Принципиальные же вопросы выносились на разрешение императора, всю заслуживающую внимания информацию предписывалось сообщать ему незамедлительно. Монарх не терял контроля над политической обстановкой в столице и империи в целом.

Знакомый с политическими воззрениями Александра I Н. Н. Новосильцов сумел в условиях предвоенной суеты предложить устроившую императора оригинальную форму организации высшей полиции — на межведомственной основе, не создавая никаких самостоятельных институтов[21], которые могли бы как-либо ограничить полноту власти монарха. Кроме того, в «Наставлении» подчеркивалось, что учреждение создается на определенный срок, а его существование необходимо сохранять в тайне, «дабы не возродить в обществе напрасного опасения, что предстоит какое зло, и чрез то не нарушить его спокойствия»[22].

Сложно сказать, как долго Комитет осуществлял свою деятельность. Следы ее скупо отражены в архивохранилищах, в первую очередь из-за самого характера делопроизводства этого тайного учреждения[23]. По-видимому, никакого формального акта, который бы остановил занятия «Комитета по части вышней полиции», издано не было[24]. После завершения военной кампании 1805 г. опыт

[19] *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 76.

[20] В преамбуле проекта образуемый Комитет назван «Комитетом для общего советования». См.: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 10.

[21] Даже канцелярская работа осуществлялась в Комитете сотрудниками министерства внутренних дел, а не специально назначаемыми письмоводителями.

[22] РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 11 об.

[23] *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 78.

[24] Ф. Л. Севастьянов полагает, что «с определенностью можно сказать, что к 1807 г. Комитет уже полностью бездействовал» (См.: *Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 78), когда был учрежден аналогичный по компетенции Комитет охранения общей безопасности (о нем далее). Вероятно, параллельно эти два Комитета не существовали, и деятельность «Комитета по части вышней полиции» в начале 1807 г.

работы Комитета оказался востребован: задача создания политической полиции продолжала оставаться актуальной.

В этот период (в 1806–1807 гг.)[25] представители бюрократической элиты империи выработали два подхода к решению проблемы организации высшей полиции. Одни сановники выступали за развитие межведомственной системы управления тайной полицией. Другие, сторонники курса на «дальнейшее развитие в управлении единоличного начала»[26], совершенствование центральных государственных учреждений, полагали целесообразным формирование специализированного ведомства политического сыска. Выбор пути реформирования высшей полиции оставался за императором.

Проект образования нового межведомственного координационного совещания по делам секретной полиции Александру I в самом начале 1807 г. представил Н. Н. Новосильцов[27]. Будучи одним из авторов министерской реформы, сторонником «русского кабинета»[28], он не поддерживал, однако, идею создания специального ведомства тайной полиции. Известный своим неприятием методов и приемов управления, характерных для павловского царствования[29], Н. Н. Новосильцов, по-видимому, противился образованию органа политической полиции, который мог бы в будущем приобрести не меньшее значение,

по факту была приостановлена. Однако один из членов Комитета, С. К. Вязмитинов, накануне своей отставки с поста министра военных сухопутных сил в начале января 1808 г., обратился к министру юстиции П. В. Лопухину с просьбой выяснить у Александра I, каковы перспективы существования «Комитета по части вышней полиции», приостановлена или прекращена его деятельность. При этом С. К. Вязмитинов посчитал целесообразным передать П. В. Лопухину хранившийся у него (возможно, обнаруженный при подготовке к сдаче дел) оригинал «Наставления» Комитету 1805 г. На полях своей всеподданнейшей докладной записки по вопросу о Комитетах П. В. Лопухин записал ответ императора: «Наставление, Комитету данное, высочайше повелено отдать для хранения в Комитет, учрежденный 13 Генв. 1807 года, а Г. Министру военных сухопутных сил дать знать, что с учреждением сего прежде существовавший по сему предмету должен окончиться». Ответ датирован 5 (17) января 1808 г. 7 (19) января 1808 г. П. В. Лопухин сообщил С. К. Вязмитинову, что «Комитет по части вышней полиции» «существовать уже не может». См.: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 13, 14.

[25] После битвы при Йене и Ауэрштедте в октябре 1806 г., когда союзник России по антифранцузской коалиции — Пруссия — был фактически разбит, необходимость обеспечить внутреннюю безопасность страны была особенно острой.

[26] *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. С. 144.

[27] Проект опубликован Н. К. Шильдером (*Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 364–366) и с некоторыми неточностями Ф. Л. Севастьяновым (*Севастьянов Ф. Л.* Между Тайной экспедицией и III Отделением. С. 288–289). Оригинал проекта сохранился: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 1 — 3 об.

[28] Письма Н. Н. Новосильцова к графу С. Р. Воронцову // Архив князя Воронцова: В 40 кн. М., 1880. Кн. 18. С. 442.

[29] *Чарторижский А.* Воспоминания и письма. С. 126.

чем Тайная экспедиция при Павле I, и оказывать негативное влияние на работу всего государственного аппарата. Потому в основе нового проекта Н. Н. Новосильцова лежал тот же (казавшийся более приемлемым) принцип межведомственной координации, по которому действовал прежде «Комитет по части вышней полиции».

По аналогии с Комитетом 1805 г. новый Комитет охранения общей безопасности должны были составлять министры юстиции, внутренних дел и военных сухопутных сил. Однако безотлучным членом нового Комитета был лишь министр юстиции, в помощь к которому определялось еще два постоянных участника совещаний: обер-секретарь Тайной экспедиции в 1790-е гг., сенатор А. С. Макаров и сам Н. Н. Новосильцов. Военному министру и министру внутренних дел надлежало участвовать в заседаниях только «когда нужда того потребует»[30]. Основной обязанностью Комитета являлся надзор за производством следствий по делам о шпионаже, о тайных антиправительственных обществах и иностранных агентах. Кроме того, в связи с ростом недоверия к верховной власти, определенным разочарованием представителей столичного общества и гвардии в политике Александра I после заключения воспринимавшегося как «постыдный» Тильзитского мира в число задач образуемого Комитета вошла необходимость отслеживать любые проявления недовольства монархом для обеспечения его личной безопасности[31]. В зоне ответственности проектируемого органа должна была находиться вся территория империи. Поэтому для эффективного исполнения своих функций Комитету необходимо было поддерживать связь с местными государственными учреждениями, что обусловило публичный, гласный характер его деятельности. Хотя ключевой задачей создаваемого учреждения Н. Н. Новосильцов объявлял лишь контроль над ходом проводимых полицией расследований, Комитету планировалось предоставить возможность самому осуществлять следствие по «всем делам, касающимся до измены государству и тайных заговоров противу общей безопасности»[32].

[30] РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 1 об. Согласно сохранившимся журналам Комитета, в его заседаниях в 1807 г. В. П. Кочубей и С. К. Вязьмитинов, возглавлявшие министерства внутренних дел и военных сухопутных сил, участия не принимали. С 1808 г. в работу Комитета активно включился новый министр внутренних дел А. Б. Куракин. Подробнее см.: РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1829 г. Д. 1б, 1в. Фактически в 1807 г. Комитет являлся специализированной комиссией во главе с министром юстиции по делам высшей полиции.

[31] Так, в Комитете рассматривалась записка Н. С. Мордвинова, обеспокоенного ростом антиправительственных настроений в российском обществе. См.: *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 200.

[32] РГИА. Ф. 1163 (Комитет охранения общей безопасности при Государственном совете). Оп. 1. Т. XVI. 1807 г. Д. 1. Об учреждении Комитета 13 января 1807 г. Л. 3.

Борьба с «внутренним врагом» в условиях военного конфликта с Наполеоном приобретала для Александра I особое значение, и ее успех во многом зависел от способа организации политического сыска. Своеобразной альтернативой представленному Н. Н. Новосильцовым проекту создания Комитета охранения общей безопасности, развивавшему концепцию межведомственного управления политическим сыском, стала идея создания отдельного центрального учреждения с функциями тайной полиции. Как свидетельствуют источники, такой подход к реформированию органов политической полиции имел своих сторонников в среде управленческой элиты империи.

В этой связи особый интерес представляет сохранившийся в фонде Н. Н. Новосильцова среди бумаг Комиссии составления законов проект учреждения министерства полиции в России, написанный на французском языке и ранее мало известный исследователям[33]. Документ не датирован и не имеет подписи, однако собственно текст проекта предваряется пояснительной запиской, содержание которой позволяет уточнить его датировку и сузить круг потенциальных авторов. Обосновывая актуальность предлагаемого им проекта, составитель следующим образом охарактеризовал систему органов политической полиции, которая существовала во время написания документа: «В момент войны комитет полиции был полезен. Некоторые из дел, которые были в ведении этого комитета, были завершены таким образом, чтобы предотвратить посягательство иностранных агентов. Этот комитет был в большей степени судом, учрежденным при определенных обстоятельствах, нежели активным расследовательским центром, который действовал бы как внутри, так и за пределами страны. Поэтому было бы благоразумным улучшить его или учредить министерство с той же компетенцией»[34]. В приведенной цитате упоминается некий «комитет полиции», который существовал «в момент войны» — с высокой степенью вероятности можно предположить, что речь идет о Комитете 1805 г., который был создан накануне очередного столкновения с наполеоновской Францией и действовал во время войны Третьей коалиции. Уточнить датировку документа также позволяет тот факт, что проект сохранился среди бумаг Н. Н. Новосильцова, который активное участие в работе Комиссии принимал до 1807 г.[35] Таким образом, указанный проект с высокой долей вероятности можно отнести к 1806 г. При этом указание в тексте на Комитет 1805 г. позволяет заключить, что автор проекта входил в ограниченный круг высших сановников империи, которым было известно о деятельности этого секретного органа.

Намеченная в пояснительной записке альтернатива дальнейшего развития органов тайной полиции — либо совершенствование «комитета полиции», либо

[33] ОР РНБ. Ф. 526 (Н. Н. Новосильцов). Оп. 1. Д. 4. Бумаги, относящиеся до Комиссии составления законов. 1803 г. Черновые автографы и писарскою рукою. Л. 216–220.

[34] Там же. Л. 216.

[35] *Розенкампф Г. А.* Отрывки из автобиографии / Публ. П. М. Майкова // Русская старина. 1904. Т. 120, № 11. С. 391, 398–399.

создание «министерства с той же компетенцией», должна была, по мнению автора, разрешиться в пользу организации единого центрального ведомства: «Предпочтительнее учредить министерство, поскольку это бы содействовало координации действий и способствовало более стабильной работе этой организации без риска роспуска. Решительность, организованность, основанная на четких принципах быстрая исполнительность стали бы последствием решения организовать учреждение в соответствии с нижеизложенными принципами»[36].

Собственно текст проекта создания министерства полиции включал 25 параграфов, в которых описывались структура и полномочия нового ведомства. По замыслу автора, создаваемое учреждение должно было действовать на всей территории империи, а главной его задачей было «расследование преступлений, касающихся внутренней безопасности государства и правительства»[37]. Для осуществления этих функций министерство получало разветвленную систему местных органов — страну предполагалось разделить на округа во главе с генеральными комиссарами, напрямую подчиненными министру. Округа в свою очередь дробились на более мелкие территории, в каждую из которых назначались окружные комиссары. Круг полномочий этих должностных лиц должны были определить специальные инструкции, однако уже из текста проекта становится понятно, что их предполагалось наделить весьма широкой компетенцией, которая включала в себя досудебный арест подозреваемых: «Если обнаруживаются явные признаки нарушения законодательства, они выписывают постановления об аресте. <...> Если постановление об аресте будет выписано, подозреваемые не могут быть освобождены не иначе как решением министра полиции или же судов, которым будут переданы дела подозреваемых»[38]. В своих действиях комиссары были подотчетны исключительно министру полиции и ограждались от вмешательства со стороны других государственных органов и должностных лиц: «Ни в каком случае военный и гражданский губернатор, генералы, старшие офицеры не могут вмешиваться в дела министра полиции, генеральных и окружных комиссаров, которых предполагается учредить. Суды не могут заниматься делами, возбужденными комиссарами полиции, до тех пор, пока не поступит официально обращение к ним <...> Личности министра, генеральных и частных комиссаров неприкосновенны. Только государь может привлечь их к ответственности за нарушения»[39]. Особый статус министра полиции и комиссаров подкреплялся его полномочиями в области надзора за деятельностью других государственных органов: «Министр полиции должен будет в особенности следить за всеми должностными преступлениями, совершенными гражданскими наемными служащими во всех областях их

[36] ОР РНБ. Ф. 526 (Н. Н. Новосильцов). Оп. 1. Д. 4. Бумаги, относящиеся до Комиссии составления законов. 1803 г. Черновые автографы и писарскою рукою. Л. 216.

[37] Там же. Л. 216 об.

[38] Там же. Л. 217.

[39] ОР РНБ. Ф. 526 (Н. Н. Новосильцов). Оп. 1. Д. 4. Бумаги, относящиеся до Комиссии составления законов. 1803 г. Черновые автографы и писарскою рукою. Л. 217 об.

полномочий, а также совершенными служащими военных администраций, за казнокрадством в разных сферах, относящихся к государственным учреждениям; налагать взыскания за преступления»[40].

Наряду с разветвленной структурой полицейских органов на местах проект также предусматривал создание засекреченного подразделения внутри министерства — так называемой «контрполиции»: «Проект закона служит для организации необходимого управления полиции. Но есть еще одна часть, которая относится к ведению правительства — это секретная полиция или "контрполиция", в состав которой войдут комиссары и наемные агенты. Она станет необходимым секретным учреждением контроля органов власти. Она будет совмещать функции преследования и наблюдения»[41]. К сожалению, автор проекта не приводит полный перечень полномочий, которыми, по его мнению, следовало бы наделить «контрполицию». Тем не менее указание на то, что она должна стать «секретным учреждением контроля органов власти», позволяет заключить, что именно здесь, по представлению автора, должны были сосредоточиться унаследованные от Комитета 1805 г. функции контрразведки и политического сыска. Таким образом, предложенная неизвестным автором форма организации полицейских органов империи предусматривала сосредоточение компетенции тайной полиции внутри одного центрального ведомства, что предполагало отказ от модели межведомственного органа. Реализация проекта означала создание в империи строгой иерархии полицейских учреждений, регламентацию деятельности каждого элемента единой системы. При этом тайная полиция занимала отведенное ей место в структуре полицейских органов.

Стремление сосредоточить полномочия тайной полиции в одном подразделении и определить ее место в системе полицейских учреждений обозначилось в 1806–1807 гг. не только на общеимперском, но и на местном уровне. Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка московского военного губернатора Т. И. Тутолмина и министра внутренних дел В. П. Кочубея, из которой известно о попытке организации тайной полиции в Москве[42]. Так, в предписании, данном московскому обер-полицмейстеру А. Д. Балашеву 8 (20) января 1807 г., Т. И. Тутолмин поручал «учредить наисокровеннейшим образом секретное обо всем разведование», которое было необходимо в Москве ввиду «чрезмерного стечения здесь разносторонних, хоть и домы имеющих, но не оседло живущих, и других, на время только приезжающих, разного состояния людей». К работе в новом ведомстве необходимо было привлечь «людей <...> совершенно к тому способных и верных, поставя себе в правило, всеми обязанностями чести и долга усиленное, чтоб имена их кроме меня и Вас никому, даже самым ближним нашим, отнюдь и никогда не были известны»[43]. Таким образом, под началом

[40] Там же. Л. 218.

[41] Там же. Л. 219.

[42] ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 225. Дело об учреждении в Москве тайной полиции и об отпуске средств на ее содержание. Л. 1–26.

[43] Там же. Л. 5 — 5 об.

московского обер-полицмейстера предполагалось создать отдельное секретное подразделение полиции, главной задачей которого становилось негласное наблюдение и сбор сведений, таких как «слухи, молвы, вольнодумство, нерасположение и ропот», а также проникновение в «секретные сходбища, таинственные, под каким бы то ни было наименованием, собрания, соблазнительные стачки»[44]. Сведения, собранные тайной полицией, должны были в виде ежедневных отчетов и уведомлений доходить до обер-полицмейстера, который о наиболее существенных происшествиях докладывал военному губернатору.

В исполнение поручения Т. И. Тутолмина обер-полицмейстер А. Д. Балашев составил проект учреждения в Москве тайной полиции, озаглавленный как «Примерное положение полицейской особенной экспедиции». Проект включал в себя штатное расписание, согласно которому особенная экспедиция должна была состоять из 27 человек, должности разделялись по разрядам с присвоением каждому жалования[45]. Особое внимание обер-полицмейстер уделил требованиям к кадровому составу, которые были изложены в соответствующем разделе проекта «Свойства служащих в экспедиции». Так, правитель экспедиции должен был отвечать следующим критериям: «Житель московский, дабы имел многие связи и большое знакомство с различными сословиями людей, был бы вхож и в знатные дома, имел бы иногда у себя гостей благородных, особ среднего состояния и находился бы иногда и между самого народа <...> должен быть свободен от всякой должности или иметь ее для вида. Он должен будет все делаемые по сей части от начальства распоряжения приводить в действо»[46]. Схожие характеристики были предусмотрены и для других должностных лиц будущего учреждения — ревизора, письмоводителя, чиновников и служителей 1-го и 2-го разрядов. На финансирование нового ведомства А. Д. Балашев запрашивал 19 080 рублей, которые предполагалось потратить на жалование чиновникам и разнообразные полицейские нужды: «Не выходя из перечисленной суммы жалования, смотря по обстоятельствам и надобности, прибавлять можно от одного к другому. На расходы определяемая сумма должна употребляться, смотря по надобностям — для полезных открытий, за услуги, по сей части оказанные, и на прочие издержки, например, наем экипажей или извозчиков, подчивание, игру и прочее, одним словом, на все непредвиденные случаи, кроме особенно важных»[47]. Таким образом, предложенный А. Д. Балашевым проект предполагал создание в структуре московской полиции особого секретного отделения, куда передавались ранее рассредоточенные полномочия, касающиеся политического сыска. При этом в случае реализации проекта тайная полиция в Москве могла получить четкую структуру, штат и порядок делопроизводства,

[44] Там же. Л. 5 об.

[45] Там же. Л. 2.

[46] ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 225. Дело об учреждении в Москве тайной полиции и об отпуске средств на ее содержание. Л. 2 об. — 3.

[47] Там же. Л. 3 об.

что означало движение в сторону регламентации и большей централизации работы органов политического сыска.

Московский военный губернатор Т. И. Тутолмин направил составленный А. Д. Балашевым проект «Примерного положения полицейской особенной экспедиции» министру внутренних дел В. П. Кочубею, который 5 (17) марта 1807 г. представил документ императору. Источники позволяют восстановить реакцию Александра I на предложенный проект — на полях документа сохранились сделанные императором пометки, что свидетельствует о высокой степени его заинтересованности проектом, а 7 (19) мая 1807 г. последовал секретный рескрипт на имя Т. И. Тутолмина об учреждении в Москве тайной полиции. В нем император сообщал московскому градоначальнику следующее: «Тимофей Иванович, по представлению Вашему об учреждении тайной в Москве полиции, приказал я министру финансов отпускать исчисленную Вами сумму девятнадцать тысяч восемьдесят рублей. В употреблении сей суммы Вы будете представлять перечневые ежегодные счеты. Определение людей к сему нужных, так как и порядок их должностей, предоставляю Вашему местному усмотрению, не считая, впрочем, нужным учреждать для сего непременного штата или особенной какой-либо экспедиции. Пребываю к Вам благосклонным. Александр»[48]. Министр внутренних дел В. П. Кочубей в приложенном к рескрипту письме к Т. И. Тутолмину пояснил позицию императора следующим образом: «Его И.В., приняв в уважение, что всякое место, штатом установленное, не может быть без огласки, что формальное определение чиновников в сию Экспедицию и увольнение их может еще более огласить сие установление, и что самое количество их, их разные должности и назначение им жалования, яко предметы по существу сего установления перемен подлежащие, не могут быть определены постоянным штатом, признавать изволил удобнейшим, чтоб сумма примерно вами на сей предмет исчисленная, отпускаема была из казначейства с надлежащими отчетами без всякого формального и штатного положения»[49]. Таким образом, признавая необходимость создания в Москве политической полиции, император тем не менее посчитал нецелесообразным придавать ей форму централизованного ведомства с постоянным штатом и четкой структурой.

Схожее по существу решение, отвергающее идею создания единого органа тайной полиции, к началу 1807 г. было принято и на общеимперском уровне. Рассмотрев наметившиеся в 1806 г. альтернативы развития политического сыска в России, Александр I принял решение усовершенствовать уже опробованную в 1805 г. идею межведомственного управления тайной полицией, при этом проект учреждения министерства полиции поддержки не нашел. 13 (25) января 1807 г. последовал указ Сенату, в котором объявлялось об учреждении комитета для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия[50]. Тем самым

[48] Там же. Л. 18.

[49] ГАРФ. Ф. 1165 (Особенная канцелярия МВД). Оп. 1. Д. 225. Дело об учреждении в Москве тайной полиции и об отпуске средств на ее содержание. Л. 14.

[50] ПСЗ-1. Т. XXIX. СПб., 1830. № 22425.

предложенный Н. Н. Новосильцовым проект приводился в исполнение, и Комитет 13 января 1807 г. на протяжении трех лет оставался единственным центральным органом, координирующим политический сыск в империи.

Выбор, сделанный императором в 1807 г. в отношении организации политической полиции, был обусловлен, по-видимому, несколькими факторами. В условиях вооруженного противостояния с Францией задача обеспечения внутренней безопасности Российской империи стояла весьма остро — на вызовы военного времени Александр I вынужден был реагировать оперативно. Санкционировать длительный, требовавший тщательной подготовки процесс создания специализированного полицейского ведомства с включенным в его структуру подразделением высшей полиции монарх в тот момент не счел необходимым. В период становления новой для страны министерской системы появление ведомства, порядок работы которого существенно отличался бы от организации других учреждений центрального управления, могло усилить несогласованность действий государственного аппарата[51]. По той же причине не было законодательно оформлено предложение по формированию на местах подведомственных обер-полицмейстерам «особенных экспедиций», фактически усиливавших министерство внутренних дел: Александр I противился чрезмерному росту влияния этого ведомства[52]. Таким образом, в сложившихся к началу 1807 г. условиях путь межведомственной организации тайной полиции был признан верховной властью наиболее приемлемым.

References

Andreeva T. V. Tajnye obŝestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennaâ politika i obŝestvennoe mnenie. SPb., 2009.

Asvariŝ M. B. Organy političeskogo nadzora pervoj poloviny Aleksandrovskogo carstvovaniâ // Pamâti Û. D. Margolisa: Pis'ma, dokumenty, naučnye raboty, vospominaniâ / Sost.: N. O. Serebrâkova, T. N. Žukovskaâ. SPb., 2000. S. 589–611.

Eroškin N. P. Krepostničeskogo samoderžavie i ego političeskie instituty. M., 1981.

Kamer-fur'erskij ceremonial'nyj žurnal 1805 goda. Iûl'–dekabr'. SPb., 1904.

[*Komarovkij E. F.*] Zapiski grafa E. F. Komarovskogo. SPb., 1914.

Nikolaj Mihajlovič, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovič Stroganov (1774–1817). Istoričeskoe issledovanie èpohi imperatora Aleksandra I: V 3 t. SPb., 1903. T. 2.

Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj četverti XIX v.: zamysly, proekty, voploŝenie. M., 2012.

[51] Александр I не отвергал саму возможность учреждения специализированного полицейского ведомства. Как показала практика дальнейшего реформирования центральных учреждений, идея создания Министерства полиции в несколько измененном виде была реализована в 1810 г., в ходе нового этапа министерской реформы, предложенного М. М. Сперанским. Показательно, что министром полиции был назначен выступавший в поддержку централизации полицейского управления А. Д. Балашев. См. подробнее: *Скрыдлов А. Ю.* Жизнь и государственная деятельность Александра Дмитриевича Балашева (1770–1837): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 57–117.

[52] Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 262.

Pis'ma N.N. Novosil'cova k grafu S.R. Voroncovu // Arhiv knâzâ Voroncova: V 40 kn. M., 1880. Kn. 18.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. SPb., 1830.

Rozenkamf G.A. Otryvki iz avtobiografii / Publ. P.M. Majkova // Russkaâ starina. 1904. T. 120. № 11. S. 371–429.

Sevast'ânov F.L. Meždu Tajnoj èkspediciej i III Otdeleniem: ot tajnogo syska — k političeskomu rozysku. SPb., 2008.

Skrydlov A.Û. Žizn' i gosudarstvennaâ deâtel'nost' Aleksandra Dmitrieviča Balaševa (1770–1837): dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2013.

Slovar' russkogo âzyka XVIII veka: V 19 vyp. SPb., 2000. Vyp. 11.

Tot Û.V. Reforma uezdnoj policii v pravitel'stvennoj politike Rossii v XIX veke: dis. ... d-ra. ist. nauk. SPb., 2003.

Trockij I.M. III otdelenie pri Nikolae I. L., 1990.

Upravlenčeskaâ èlita Rossijskoj imperii. Istoriâ ministerstv. 1802–1917. SPb., 2008.

Čartorižskij A. Vospominanie i pis'ma. M., 2010.

Šilder N.K. Imperator Aleksandr I. Ego žizn' i carstvovanie: V 4 t. SPb., 1897. T. 2.

Èjdel'man N.Â. Gran' vekov. Političeskaâ bor'ba v Rossii. Konec XVIII — načalo XIX stoletiâ. SPb., 1992.

Список литературы

Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Асварищ М.Б. Органы политического надзора первой половины Александровского царствования // Памяти Ю.Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост.: Н.О. Серебрякова, Т.Н. Жуковская. СПб., 2000. С. 589–611.

Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Июль–декабрь. СПб., 1904.

Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I: В 3 т. СПб., 1903. Т. 2.

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.

Письма Н.Н. Новосильцова к графу С.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова: В 40 кн. М., 1880. Кн. 18.

Розенкампф Г.А. Отрывки из автобиографии / Публ. П.М. Майкова // Русская старина. 1904. Т. 120. № 11. С. 371–429.

Севастьянов Ф.Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. СПб., 2008.

Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2003.

Троцкий И.М. III отделение при Николае I. Л., 1990.

Чарторижский А. Воспоминания и письма. М., 2010.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1897. Т. 2.

Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. СПб., 1992.